

А. А. Лагунов

Симфония властей: недостижимая реальность идеала

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10032

Аннотация: В статье анализируются причины утверждения в качестве принципа законодательства Византийской империи концепта симфонии властей, вступающего в противоречие с последовательно реализуемой монархической идеей. Обосновывается взгляд, в соответствии с которым смысловое содержание этого концепта, определяющее идеальный способ построения государственно-церковных отношений, обуславливалось христианским вероисповеданием, вследствие чего не теряло своей актуальности на протяжении многих столетий, невзирая на постоянные попытки правителей узаконить более импонирующий им принцип цезарепапизма. Социальный идеал по своему определению нереализуем полностью в общественной жизни, однако позволяет придать ей целенаправленность и осмысленность. В силу того, что средневековые государство и персонифицируемое Церковью общество имели религиозный характер, ими выработывались методы мирного сосуществования и взаимодействия, основывающиеся на христианском идеале симфонии властей. Высказывается аргументированный мыслимыми известными византинистами, церковными историками и философами тезис о том, что союз, негласно заключенный между империей и Церковью, являлся полезным для обеих сторон, позволяя первой опираться на идеологическое единство народа, второй — расширять свое влияние за пределами Византийской империи. Государства, находившиеся под религиозным и культурным влиянием Византии, выстраивали свои отношения с Церковью аналогичным образом. Вместе с тем, такие союзы были эффективными до тех пор, пока государства, оставаясь христианскими, нуждались в сакрализации своей власти. С ростом процессов секуляризации такая необходимость исчезла, и концепт симфонии властей перестал быть принципом законодательства, однако, поскольку его смысл обуславливается христианским вероисповеданием, он по-прежнему актуален в качестве идеала государственно-церковных отношений в духовно-нравственной сфере жизнедеятельности обществ.

Ключевые слова: Византийская империя, Кодекс Юстиниана, симфония властей, христианское мировоззрение, социальный идеал, цезарепапизм, папоцезаризм, государственно-конфессиональные отношения, синергия, персонализм.

Об авторе: **Алексей Александрович Лагунов**

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: emaillag@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8498-6449>

Ссылка на статью: Лагунов А. А. Симфония властей: недостижимая реальность идеала // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 134–142.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Alexey A. Lagunov

Symphony of Authorities: The Unattainable Reality of an Ideal

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10032

Abstract: The article analyzes the reasons for the approval of the concept of the symphony of authorities as a principle of the legislation of the Byzantine Empire. The problem is that this concept came into conflict with the consistently realized monarchist idea. The meaning of the concept of the symphony of authorities was determined by the Christian faith. This concept has not lost its relevance for many centuries, despite the constant attempts of the rulers to legitimize the principle of Caesaropapism. By definition, the social ideal is not fully realized in public life. However, it allows you to give it focus and meaningfulness. Due to the fact that the medieval state and the society personified by the Church had a religious character, they developed methods of peaceful coexistence and interaction based on the Christian ideal of a symphony of authorities. The article expresses the thesis that the alliance concluded between the Empire and the Church was useful for both parties. He allowed the Empire to rely on the ideological unity of the people, and the Church to expand its influence even beyond the borders of the Byzantine Empire. The states under the religious and cultural influence of Byzantium built their relations with the Church in a similar way. At the same time, such unions were effective as long as the states, remaining Christian, needed to sanctify their power. With the growth of secularization processes, such a necessity disappeared, and the symphony of the authorities ceased to be a principle of legislation. However, this concept is still relevant as the ideal of state-confessional relations in the spiritual and moral sphere of life of societies.

Keywords: The Byzantine Empire, Justinian's Codex, the symphony of authorities, the Christian worldview, the social ideal, Caesaropapism, papocesarism, state-confessional relations, synergy, personalism.

About the author: **Alexey Alexandrovich Lagunov**

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University.

E-mail: emaillag@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8498-6449>

Article link: Lagunov A. A. Symphony of Authorities: The Unattainable Reality of an Ideal. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 134–142.

Рассмотрение идей и концепций, возникающих в социально-историческом времени, взаимодействующих между собой и преемственно развивающихся, часто позволяет лучше понять содержание современных мировоззренческих представлений, конституирующих общественную реальность. Особенное внимание при этом, по нашему мнению, следует уделять социальным идеалам как неким мыслительным конструктам, устремляющим личность и общество в будущее и потому, на первый взгляд, трансцендентным окружающей конкретной действительности. Однако они позволяют этой действительности пластично изменяться в определяемом ими направлении, способствуют формированию в личностях ценностно-целевых установок, благодаря которым их жизнь становится осмысленной и сознательной. С одной стороны, идеалы недостижимы в том виде, в котором они репрезентируются, с другой — способствуют тому, чтобы реальность приближалась к ним посредством деятельности убежденных в их осуществлении личностей, мысли которых через слова претворяются в дела. Поэтому идеалы все же специфическим образом существуют в социальной жизни, хотя их реальность и особенная — «недостижимая». Недостижимая, однако при этом целеполагающая и смыслообразующая, непосредственным образом влияющая на процессы конкретно-исторического развития.

Для истории христианской философии несомненный интерес вызывает концепт симфонии властей, с самого начала конституировавший жизнь христианской общины и обуславливавший ее мирное сосуществование с первоначально враждебным языческим государством. Действенность этого концепта, представляющего собой хороший пример реализующегося во времени социального идеала, была подтверждена постепенной христианизацией общественной и государственной жизни и даже позднейшей фиксацией концепта в качестве законодательного принципа — в преамбуле к шестой новелле Кодекса Юстиниана, обнародованного в 529 г.: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеком, — это священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (συμφωνία)» [Кодекс]. Слово «симфония» буквально означает «созвучие», «согласие», в данном контексте этот термин тесно смыкается с понятием «синергии» — «сотрудничества», или «соратничества», священства и царства, невозможного без «доброе согласие». Здесь декларируется разделение властей — духовной и светской — в пределах одного государства, но разделение, предполагающее не только независимость частей, но и их взаимодействие, при котором духовная власть призвана освящать дела светской власти и указывать ей на возможные «неправды», «печаловаться» о народных нуждах и бедствиях, а светская — создавать условия для нормального функционирования власти духовной, для выполнения ею своих непосредственных задач по окормлению паствы, ее воспитанию и наставлению.

Принцип, разработанный и сформулированный ранее в орсе IV Халкидонского Вселенского Собора по отношению к богочеловечеству Иисуса Христа, познаваемого в двух природах «неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо», в преамбуле к шестой новелле Кодекса Юстиниана применяется к разным властям, составляющим целостность, вне которой они непредставимы. Аналогичную целостность духовного (душевного) и телесного начал представляет собой и личность. Следует признать, что далеко не всякая личность способна к полному согласованию этих начал, для большинства симфония духа и тела — это идеал, принципиальная недостижимость которого не означает его ненужности, ведь идеал есть цель, направляющая все действия человека. А в случае государственно-церковных отношений? Если мы будем исходить не из императорских деклараций и благих пожеланий, а из исторических фактов, то должны будем признать, что полное взаимное согласие властей в жизни Византии никогда и не достигалось, сам император Юстиниан, как видно из его церковной

политики, совсем не стремился к нему. Поэтому, по оценке известного византиниста XX в. А. А. Васильева, «политика светского преобладания в религиозных и церковных делах, вплоть до тайников религиозных убеждений человека, особенно ярко проявленная Юстинианом, получила в истории название *цезарепапизма*, и этот император считается одним из наиболее типичных представителей цезарепапистического направления» [Васильев, 1998, 214]. Быть может, эта оценка не является точной, ведь император, введший в законодательство принцип «симфонии властей», по логике, должен был хотя бы номинально его придерживаться? Однако по другой, еще более ранней и весьма авторитетной оценке Ф. И. Успенского, цезарепапизм вообще являлся спутником византийского христианского государства, и его истоки следует искать много раньше царствования Юстиниана I. «Основателем цезаро-папизма на Востоке нужно признать Константина В.», — считал русский византинист. Того самого Константина Великого, который поставил своей целью осуществлять имперское строительство с опорой на признанную объединить народы идеологию христианства. «Доставив торжество христианству, Константин В. придал ему характер монархической общины, во главе которой стоял сам император; главные стремления Константина В. можно формулировать в трех положениях: 1) сосредоточить в своих руках управление всею Церковью; 2) быть признанным высочайшею главою верных — первосвященником Иисуса Христа; 3) введенный им порядок рассматривать как образ небесного строя, как нечто совершенное и безукоризненное». Известно, что сын Константина Великого, Константин II, нужно полагать, унаследовавший не только империю, но и идеологический курс своего отца, в 335 г. «на соборе в Милане сказал: „Не канон, а моя воля должна быть законом для Церкви...“» [Успенский, 2001, 435].

Как же тогда обстоит дело с симфонией властей? Быть может, это всего лишь юридическая фикция, даже не социальный идеал, и она совсем не имеет никакого отношения к реальности — ни к исторической, ни к современной? Действительно же только противоположные друг другу реально проявлявшиеся в социально-историческом процессе позиции римо-католического папоцезаризма и византийского цезарепапизма? Находясь продолжительное время в идеологическом противостоянии с Византийской империей, Римская иерархия опиралась на принцип также по своей сути монархический, только сместила акцент в сторону духовной власти, теоретически, а порой и практически подчиняя ей светскую?

Протопресвитер А. Шмеман, обращаясь к давнему обвинению Византийской Церкви в цезарепапизме, тяжесть его видел в том, что в нем речь идет не об отдельных игнорированиях юридической нормы, что не является редким случаем, а о многовековом систематическом ее нарушении, следовательно, «Византийская Церковь обвиняется в некоей *эклезиологической ереси*, тень которой в таком случае неизбежно падает и на все православие» [Шмеман, 2011, 604]. Действительно, если рассматривать симфонию властей не только как принцип законодательства, но и как идеальную модель христианской жизни, то не будет сильным преувеличением утверждение о том, что этот идеал органичен христианскому мировоззрению, поскольку обусловлен вероисповеданием. Характерен евангельский сюжет, описанный у Матфея, Марка и Луки. На провокационный вопрос фарисейских посланников о том, позволительно или нет подать кесарю, Иисус не ответил сразу, а попросил принести динарий и сказал: «...чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесарева. Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф 22:20–21). Вопрос потому был провокационным, что при любом ответе на него последствия для Иисуса были неблагоприятными — немедленно последовало бы обвинение или в прямом призыве к противодействию власти, что жестоко каралось римлянами, или, наоборот, в конформизме, что вызвало бы крайне негативную реакцию иудеев, в том числе и последователей Христа. Однако провокация не удалась — потому именно, что в ответе сферы сакрального и земного были явственно разделены.

Земная власть, символом и силой которой являются деньги, в христианстве признавалась, однако для нее обозначались пределы, к сфере сакрального она не имела

прямого отношения; посредником между мирским и сакральным становилась власть духовная, как и вся управляемая ею Церковь, которая, с одной стороны, «не от мира сего» (Ин 18:36), с другой же — погружена в этот мир хотя бы потому, что видимая ее часть представлена живыми людьми: клиром, монашествующими и мирянами. В Послании апостола Павла к Римлянам присутствует фраза, на первый взгляд противоречащая здравому смыслу и историческим фактам, ясно и часто свидетельствующим о том, что земные правители далеко не всегда соответствовали критериям справедливости: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1). Апостол утверждает: кто противится богоданной власти, тот противится Богу, навлекая на себя осуждение. Несомненно, здесь имеется в виду не какая-либо идеальная власть, а самая что ни на есть конкретно-эмпирическая, в тех ее формах, которые всякий народ вырабатывает на определенном этапе своего развития, в том числе и нравственного. Из контекста Послания становится ясно, что апостол наделяет сопутствующее любой власти право преимущественно отрицательным характером, не позволяющим безнаказанно впадать во зло несовершенным членам общества: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делать зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания, но и по совести» (Рим 13:4–5). Необходимость исполнения правовых норм является неукоснительной, однако для христианина, стремящегося к духовному совершенствованию, она не должна обосновываться только страхом перед карательными силами земной власти. Законопослушного поведения требует от него, прежде всего, основанная на универсальной норме любви положительная нравственность: «Ибо заповеди: „не прелюбодействуй“, „не убивай“, „не кради“, „не лжесвидетельствуй“, „не пожелай чужого“, и все другие заключаются в сем слове: „любви ближнего твоего, как самого себя“» (Рим 13:9). Из вышеизложенного следует, что «святость государственной власти — только в том, чтобы ограничить посредством правовой системы негативные силы в обществе, потому она и от Бога, что само право происходит из религиозной нравственности, а насколько совершенна правовая система конкретного государства, определяется правосознанием народа, оберегаемого им от зла» [Лагунов, 2007, 88].

В правление Константина Великого был заключен своеобразный союз между империей и Церковью, он позволил первой просуществовать еще более тысячелетия, второй — выйти из катакомб и продолжить миссионерскую деятельность в пределах известной тогда ойкумены. Однако римские языческие традиции, в соответствии с которыми император являлся не только повелителем, но и (вплоть до 382 г., т. е. до полного утверждения христианской религии в качестве государственной) великим понтификом (*pontifex maximus*), изживались не сразу, стимулируя Константина Великого и его последователей к деятельности по утверждению единовластия. «Можно ли говорить о подчинении Церкви государству?» — задается вопросом о. Александр Шмеман и отвечает утвердительно, но предлагает уточнить терминологию и не объяснять прошлое, исходя из собственных понятий. В наше время государство стало земным, практическим, оно не претендует на религиозное или метафизическое обоснование, оно суть явление иного порядка, чем Церковь, иноприродно ей. Тогда же все было иначе: «Византийская, как и Римская, империя имела религиозную природу и при всем различии преследовала те же цели, вдохновляясь той же надеждой, что и Церковь. Церковь была подчинена государству. Это остается правдой. Но и государство было подчинено Церкви» [Шмеман, 2011, 615].

Императоры Византии, будучи христианами, формально подчинялись канонам Церкви и должны были следить за тем, чтобы светское законодательство им не противоречило, потому именно по их инициативе при возникновении ересей, грозивших христианству расколом, созывались церковные Соборы. Единство вероисповедания стало одной из первейших забот государства, заинтересованного в общей идеологии, солидаризирующей людей и народы, причем христианская религия играла роль

объединяющего фактора не только в пределах Византийской империи, но и во всех государствах, попадавших в той или иной степени в сферу ее культурного и идеологического влияния. Э. Баркер в связи с этим заметил: «Единое всечеловеческое Содружество, отчасти воспринимаемое как империя — уцелевший образ Ветхого Рима, — но в основном как Церковь, являлось важнейшей формой общественного устройства на протяжении того долгого периода истории, который мы зовем Средними веками. Оно было реальностью, а не простой идеей; но при этом еще и идей — не только реальностью» [Флоровский, 1998, 265].

Как уже было отмечено, идеалы и реалии конкретно-исторической жизни не совпадают друг с другом, при этом идеалы необходимы, поскольку даже искаженная их реализация способствует процессам общественного развития, направляет их, делает осмысленными. Концепт симфонии властей представлял собой такой необходимый социальный идеал, регулирующий государственно-церковную реальность Византийской империи. Несмотря на постоянные уклонения ее правителей в цезарепапизм, он оставался для них важным принципом законодательства, хотя личное отношение царей к нему могло и меняться. Если, например, Лев Исавр позволял себе почти полное его отрицание («Я царь и первосвященник!»), то у Иоанна Цимисхия мы встречаем следующее утверждение, безупречно согласующееся с принципом симфонии властей: «*В сей же жизни и земной юдоли существуют две власти: духовная и светская, священство и царство, одной из них Творец вверил попечение о душах, другой — управление телами, дабы ни одна сторона не потерпела ущерба, но чтобы сохранились без повреждения и в целости*» [Успенский, 2002, 585]. Поэтому мы можем утверждать, что Юстиниан вполне сознательно усвоил принцип симфонии властей, искренне его придерживался и ввел в свой Кодекс, что не мешало ему, вместе с тем, не упускать представлявшихся ему возможностей укрепления личной власти.

Следует отметить, что в реальной жизни Византии идеал симфонии властей существенно влиял на особенное решение вопроса о взаимоотношении нравственности и права, который, по В. С. Соловьеву, «есть в сущности вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и действительной жизнью, от положительного понимания этой связи зависит жизненность и плодотворность самого нравственного сознания» [Соловьев, 1990, 446]. Византийское богословие, находившееся под внимательным попечением императоров, сосредоточивало свое внимание на антропологической тематике — недаром вопросы, решаемые на Вселенских Соборах (триадологические и христологические споры, обоснование иконопочитания), тесным образом связывались с понятийным раскрытием термина «ипостась», способствовавшим развитию учений о творческой личности, самостоятельной мыслящей и способной к совершенствованию. Как отмечал протопресв. И. Мейендорф, «Центральной темой византийского богословия, или интуицией, является убеждение, что человеческая природа не есть статичная, „замкнутая“, автономная сущность, но — динамическая реальность, в своем существовании определяемая ее отношением к Богу» [Мейендорф, 2001, 8]. Представление о личности как активной творческой монаде, свободном «атоме» социальной жизни, способном к совершенствованию окружающего мира, совершило эволюцию в общественном сознании и сделало возможным рассмотрение истории не как простого повторения когда-то бывшего, а как динамического процесса, качественно изменяющего действительность. В конечном итоге такое представление способствовало формированию современного философского персонализма, суть которого выражается в емкой фразе С. С. Аверинцева: «Нет человека вне истории, но история реальна только в человеке» [Аверинцев, 1997, 7]. Идеи и идеалы человека стали пониматься как факторы, обуславливающие реальность, и в этом смысле он сделался творцом своей истории.

Идеал симфонии властей имел широкие последствия в конструируемой под его влиянием социальной действительности Византийской империи. В общественном сознании сформировалось убеждение о том, что справедливая правовая система должна быть нравственной, и это возможно лишь при наличии «правильной» власти,

легитимность которой придает ее сакрализация, т. е. освящение властью духовной — патриархом, олицетворявшим всю Церковь как общество (и клир, и мирян). Одной из его важнейших обязанностей стало попечение о нравственности не только всех подданных империи, но и самого императора, непременной функцией патриарха было «печалование» о нуждах народа и указание правителю на те его действия, которые расходились с канонами Церкви и христианскими нравственными нормами.

Таким образом, концепт симфонии властей сыграл значительную роль в истории Византийской империи в качестве христианского идеала государственно-церковных отношений — и это несмотря даже на то, что идея монархии, единовластия, непременно поддерживавшаяся всеми византийскими императорами, имплицитно содержащая в себе противоречие с идеей «двоевластия», реализовывалась в устойчивых проявлениях цезарепапизма. Принцип симфонии властей распространился также в ареале идеологического влияния империи, в который в конце X в. вошли и русские земли. Несколько категоричным, упускающим из вида более ранние факторы, способствовавшие становлению русской государственности и влиявшие на культурную жизнь Древней Руси, но по сути верным представляется суждение Г. В. Флоровского: «История русской культуры начинается с Крещения Руси... Русь приняла Крещение от Византии. И это сразу определило ее историческую судьбу, ее культурно-исторический путь. Это сразу включило ее в определенный и уже сложившийся круг связей и взаимодействий» [Флоровский, 2009, 14–16]. Во времена принятия Русью христианства догматические движения в Византии уже в целом закончились, сформировалась строгая вероисповедная система (которая и сегодня является необходимой и достаточной для Православных Церквей), вследствие чего «русское религиозное сознание воспринимало христианскую доктрину как нечто завершенное и не подлежащее анализу» [Флоровский, 2009, 41]. Утвердившееся в этом сознании начетничество, нелюбовь к самостоятельным интерпретациям воспринятого культурного наследия, тем более к каким бы то ни было добавлениям к нему на многие века обусловили консервацию принятого извне вероисповедания, что может оцениваться неоднозначно — и как фактор позднейшего церковного раскола, и как основная причина сохранения в неисторичности православных истин (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. С. Соловьев). Для нашего дискурса важно то, что, по замечанию известного церковного историка А. В. Карташева, «Христианская Церковь принесла на Русь новую идею: о религиозном учреждении, совершенно отдельном от государства, между тем как до этого здесь царил патриархальное сознание неразделимости всего национального и религиозного или смешение религии с политикой...» [Карташев, 2009, 226]. Как и в Византийской империи, в процессе реализации этой идеи здесь изначально допускались и вмешательства государственной власти в дела Церкви, и попытки Церкви воздействовать на князей — последние, правда, значительно реже. Однако все же усилия по согласованию общественно-политической жизни с идеальной моделью симфонии властей долгое время не прекращались — вплоть до церковной реформы Петра I, подчинившей Русскую Церковь единоличной власти монарха.

Культурное и политическое влияние идеала симфонии властей на отечественную историческую жизнь трудно подвергнуть сомнению, но вот можно ли сегодня говорить о его актуальности в сфере законодательства, регулирующего государственно-конфессиональные отношения? По-видимому, нет: государство в современном мире, как отмечалось выше, перестало нуждаться в своем религиозном обосновании, да и само понятие духовной власти в юриспруденции отсутствует. К тому же, в наши дни Россия является поликонфессиональной страной, и говорить о возвращении ее государству христианского статуса — значит как минимум игнорировать реальность. Вместе с тем, исходя из того факта, что концептуально представление о симфонии властей основывается на христианском вероисповедании, т. е. является фундаментальным мировоззренческим представлением, сформировавшимся в целом еще до своего утверждения в качестве принципа законодательства, можно говорить о его непреходящей актуальности как идеала, обладающего не растрчиваемым

в социально-историческом времени интеграционным потенциалом. До тех пор пока государство было христианским (и в Византии, и у ее культурных и политических преемников), союз между ним и Православной Церковью являлся полномасштабным, охватывающим все стороны жизнедеятельности общества, но ведь союз, основанный на согласии (симфонии), может реализовываться и частичным образом. Так, никогда не теряет значимости добровольная помощь государству, оказываемая в процессах духовно-нравственного воспитания его граждан, и эту функцию религиозные организации эффективно выполняют сегодня в среде верующих россиян, что никаким образом не противоречит «Закону о свободе совести и о религиозных объединениях». Что же касается отношений между крупнейшей религиозной организацией России и государства, то со стороны Русской Православной Церкви достаточно давно признается актуальность для нее принципа симфонии властей.

В принятых в 2000 г. на Освященном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» утверждается целесообразность религиозно-политической модели симфонии властей в современных государственно-церковных отношениях. В документе эта позиция обосновывается, прежде всего, тем, что данная модель сформировалась исторически как определенное представление об идеальной форме взаимоотношений государства и Церкви: «Попытки выработать такую форму были предприняты в Византии, где принципы церковно-государственных отношений нашли свое выражение в канонах и государственных законах империи, отразились в святоотеческих писаниях. В своей совокупности эти принципы получили название симфонии Церкви и государства. Суть ее составляет обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой» [Основы]. При симфонических отношениях государству следует искать у Церкви духовной поддержки, а Церковь ждет от государства создания благоприятных условий для своей жизнедеятельности. Однако в документе признается, что модель симфонии властей в чистой своей форме никогда не существовала ни в Византии, ни в России, подвергаясь на практике существенным искажениям. Объясняется это тем, что государство и Церковь, имея разные природы и цели, используют и неодинаковые средства для достижения своих целей: «Государство опирается в основном на материальную силу, включая силу принуждения, а также на соответствующие светские системы идей. Церковь же располагает религиозно-нравственными средствами для духовного руководства пасомыми и для приобретения новых чад» [Основы]. При этом Церковь не властна изменить что-либо в своем учении, не может она и прекратить свою проповедь в случаях, когда государственными инстанциями предписываются другие учения, и в этом отношении Церковь совершенно свободна от государства. На практике это приводит к идеологическим диссонансам и появлениям тенденций к подавлению государственной властью церковных институтов.

Вместе с тем, утверждается в документе, Церковь должна признавать, что правовой суверенитет, в отличие от нравственного, всегда принадлежит государству. Поэтому во всех случаях Церкви следует сохранять лояльность по отношению к государству, за исключением тех случаев, когда государство открыто принуждает верующих граждан к апостасии — тогда это является поводом для их мирного неповиновения. Данная мера, препятствующая возможным проявлениям тоталитарных тенденций со стороны государства, представляется вполне адекватной сложившимся в современном обществе стандартам свободы совести и идеологического плюрализма.

В заключение отметим, что современная реализация идеала симфонии властей в идеологически-плюралистичном «постсекулярном» обществе совсем не означает невозможности дальнейшего изменения ситуации. Во всяком идеале отражается заданность, конституирующая данность. Идеальное состояние общества — это его должное в аспекте того или иного мировидения состояние, и о нем уместен конструктивный диалог в условиях мировоззренческого многообразия. Христианское общество, вчера, сегодня и всегда сплачиваемое Церковью, имеет полное право в своей

мирооценке исходить из собственных традиционных представлений и строить отношения с государством в соответствии с идеалом симфонии властей, рассматриваемым как вполне реальный фундамент социальной жизни. И чем больше, крепче и сознательнее будет христианская община, тем очевиднее для нее станет раскрываться непреходящий смысл идеала государственно-церковных отношений, тем полнее этот идеал воплотится в результатах мыслей, слов и дел христиан, вследствие принципиальной греховности человека никогда не переставая быть для них заданием.

Источники и литература

Источники

1. Кодекс — Кодекс Юстиниана. URL: http://drevlit.ru/docs/vizantia/VI/Justinianus/Codex_Justinianus/text.php (дата обращения: 25.02.2020).
2. Основы — Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 25.02.2020).

Литература

3. Аверинцев (1997) — *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
4. Васильев (1998) — *Васильев А. А.* История Византийской империи: время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб.: Алетейя, 1998. 490 с.
5. Зеньковский (1999) — *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
6. Карташев (2009) — *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. Т. 1. 784 с.
7. Лагунов (2007) — *Лагунов А. А.* Нравственность и правосознание в контексте русской религиозной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 86–89.
8. Мейендорф (2001) — *Мейендорф И., прот.* Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы. Минск: Лучи Софии, 2001. 336 с.
9. Соловьев (1990) — *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 тт. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 892 с.
10. Успенский (2001) — *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 2: Период III (610–716). Иконоборческий период (717–867). М.: Астрель, 2001. 624 с.
11. Успенский (2002) — *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3: Период Македонской династии (867 — 1057). М.: Астрель, АСТ, 2002. 800 с.
12. Флоровский (1998) — *Флоровский Г., прот.* Догмат и История. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. 488 с.
13. Флоровский (2009) — *Флоровский Г. В., прот.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
14. Шмеман (2011) — *Шмеман А., прот.* Догматический союз. Вступительная лекция в курс истории Византийской Церкви, прочитанная 11 октября 1945 года // *Шмеман А., прот.* Собрание статей, 1947–1983. М.: Русский путь, 2011. С. 604–615.